

На следующее утро Сюйлегеэр проснулся на рассвете. С тех пор как в его шатре поселился другой человек, его сон стал чутким. И дело было не в жёстком полу — он просто не мог привыкнуть к присутствию Лочу.

В щели оконных ставней пробивался первый свет. Вождь повернул голову и замер, любуясь спящим лицом и длинными ресницами супруги. Он осторожно коснулся его волос, но тут же вспомнил вчерашнюю неловкость и поспешно вышел из шатра.

— Вождь! — Багэн выглядел вконец измученным. — Цицигэ требует встречи. Говорит, пока не увидит вас, в седло не сядет.

— Зачем я ей? — сухо бросил Сюйлегеэр.

— Хочет остаться, ясное дело. Может, выйдете к ней? Она ведь к вам всей душой...

— Ты — воин Сюэди, а пасуешь перед бабьими угрозами? — Сюйлегеэр смерил его тяжёлым взглядом. — Если не едет сама — привяжи её к коню и отправь так.

— Но... она всё же дочь Уладацзиня. Как-то нехорошо силой...

— Мне всё равно, как ты это сделаешь. Но если к полудню она будет здесь — накажу тебя.

Услышав ледяной тон вождя, Багэн мигом растерял все сомнения и бросился исполнять приказ.

Вскоре над стойбищем разнеслись истошные крики Цицигэ:

— Не уеду! Хочу видеть Сюйлегеэра! Я — его законная жена, а не эта девка из Ся! Она ведьма, она опоила его! Она лазутчица, присланная поссорить Сюэди и Шуйи!

Сюйлегеэр не хотел вмешиваться, но, побоявшись, что её брань породит дурные слухи, всё же решил выйти.

— Хватит ломать комедию, — ворчал Багэн, у которого уже звенело в ушах. — Раз не сумела удержать вождя, не позорься. Уезжай по-хорошему!

— Не уеду! — Цицигэ с силой оттолкнула его. — Прочь! Не смейте меня трогать!

— Ну всё, сама напросилась, — Багэн разозлился и потянулся за верёвкой.

Но Цицигэ, обезумев,хватила из его ножен кривой нож и принялась им размахивать.

— Что ты творишь, безумная! — Багэн едва успел отпрянуть, когда лезвие распороло ему рукав.

Цицигэ вырвалась из круга и бросилась вперёд, выкрикивая имя вождя. Она выглядела так, будто идёт на верную смерть, но, стоило Сюйлегеэру преградить ей путь, её пыл мгновенно

угас. Она была признанной красавицей степей, и сейчас её глаза, полные слёз и обиды, могли бы растрогать любого. Но не Сюйлегеэра.

Он молча шагнул к ней и стальной хваткой перехватил её запястье. Цицигэ вскрикнула от боли, и нож выпал из её рук. Вождь равнодушно оттолкнул её и отшвырнул оружие подальше. Девушка упала на землю, а подоспевшие воины тут же скрутили ей руки.

— Как ты можешь так со мной? — всхлипнула она. — Ты ведь обещал, что всегда будешь добр ко мне...

— Я обещал это своей жене, — отрезал Сюйлегеэр.

— Это я должна была стать твоей женой! Наши родители договорились об этом давным-давно!

Цицигэ привыкла к обожанию, она не могла смириться с тем, что любимый мужчина её не замечает.

— Я... я согласна быть наложницей! — выкрикнула она, давась слезами.

Сюйлегеэр даже не удостоил её ответом.

— Свяжите её и везите в Шуйи.

Багэн, больше не церемонясь, обмотал её верёвками и закинул на коня, как мешок. Крики и проклятия Цицигэ смолкли только тогда, когда ей заткнули рот тряпкой.

Линь Чжаочжао проснулся поздно и ничего об этом не знал.

— Вождь уехал на охоту, — сообщила Агусу, помогая ему одеться.

— Сил у него, я смотрю, через край, — пробормотал Чжаочжао, глядя на своё бледное отражение в зеркале. — Агусу, собери женщин и молодёжь, у которых нет дел.

— Вождь ещё с утра велел подготовить место, — улыбнулась служанка. — Все уже ждут твоего слова.

— Что? Все уже там? — Чжаочжао отставил чашу с чаем. — Почему ты молчала?

Он схватил свои свитки и поспешил наружу. Неподалёку от шатра собралась внушительная толпа. Чжаочжао, привыкший быть учеником, впервые чувствовал себя наставником. Глядя на эти простые, открытые лица, он невольно разволновался, но с помощью Агусу первый урок прошёл успешно.

После занятий Чжаочжао решил передохнуть, но в шатёр тут же ворвался Шалалигэ.

— Ну, раз сегодня закончил, досказывай вчерашнее!

— Дай мне хоть горло промочить, — Чжаочжао осушил чашу с чаем и небрежно вытер губы рукавом.

Шалалигэ нахмурился:

— Интересно, видел ли мой брат тебя таким?

— Каким «таким»?

— Ты сейчас выпил чай, как старый пьяница — вино. Где твои манеры благородной девы?

«...Ох», — Линь Чжаочжао похолодел. Неужели этот малец первым почувал неладное?

— Ох, кажется, я сорвал голос, — пропищал он тонким голосом.

— Если брат тебя прогонит, приходи ко мне. Мне твой голос не важен, — ухмыльнулся Шалалигэ.

«Ах ты мелкий паршивец, вот Сюйлегееэр тебе задаст вечером», — подумал Чжаочжао.

— Интересно, пожалеет ли брат, что прогнал Цицигэ, — добавил Шалалигэ.

— Прогнал? Когда?

Шалалигэ в красках расписал утреннюю сцену.

— Связал и отправил обратно? — Чжаочжао был поражён. — Но она ведь дочь вождя Шуйи. Это может закончиться враждой.

— Я думал, это ты его надоумил, — Шалалигэ подозрительно прищурился. — Раньше он с ней так не лютовал.

— Это слишком жестоко. Она ведь девушка...

— Чудно. Она хотела отобрать твоего мужа, а ты её жалеешь, — Шалалигэ покачал головой. — Она ведь даже в наложницы просилась, лишь бы остаться.

— И... он отказал?

— Разве я не сказал, что её увезли связанной?

Линь Чжаочжао невольно улыбнулся. Ему стало легко на душе оттого, что Сюйлегееэр так решительно защитил их покой.

— Выходит, брат тебя и впрямь бережёт. Ради твоего спокойствия готов и союзников обидеть, — подытожил Шалалигэ. — Ты прямо как та красавица из сказки, что разум государей

туманит. О тебе в книгах пишут: «Красота губит ум».

— Это называется «Лишить рассудка чарами красоты», — поправил его Чжаочжао. — И где ты только таких слов набрался, раз грамоты не знаешь?

— Так там картинки есть. Хочешь, покажу?

Шалалигэ вытащил из-за пазухи затрёпанную книгу. Линь Чжаочжао мельком заглянул в неё и тут же лишился дара речи.

Это была вовсе не сказка. Это был альбом «тайных утех» с весьма недвусмысленными рисунками.

<http://bllate.org/book/13696/1441300>